

Лин Шу окинул собеседника холодным взглядом, но промолчал. Его взгляд, миновав лицо Бэйчэнь Цина, устремился дальше — на того, кто стоял позади. Бэйчэнь Цин, подмечая тончайшие перемены в чужом лице, сразу понял: ярость Лин Шу сильна как никогда, однако направлена она исключительно на Ян Е. Вот только законного, благовидного повода для расправы у него не было. Слегка помедлив и взвесив слова, Бэйчэнь Цин неторопливо произнес:

— Я уже отправил гонца к генералу Юань Оумину, он будет здесь с минуты на минуту. К тому же мы с маркизом Хуайнанем ведем это двадцатитысячное войско на границу по прямому указу Его Величества — на подмогу князю Чжао. Вы, господин Лин, как государственный муж, прекрасно понимаете, что ситуация на рубежах критическая, и на кону стоит безопасность империи Да Янь. Стоит ли ворошить прежние мелкие обиды, когда решается судьба страны? Не разумнее ли отложить их в сторону?

Ян Е, выглядывая из-за его плеча, тут же подал голос:

— И то правда! Подумаешь, поцеловал тебя пару раз — стоило из-за этого тащиться в такую глушь? Если уж тебе так обидно, иди сюда да поцелуй меня в ответ. Будем квиты, а?

Бровь Лин Шу едва заметно дернулась. В серебристом свете луны его лицо казалось высеченным из ледяной глыбы. Бэйчэнь Цин поспешно обернулся и прикрикнул:

— Сяо Лан, прикуси язык!

Затем он вновь повернулся к судье и примирительно улыбнулся:

— Господин Лин, время не ждет, нам действительно пора спешить на границу. Позвольте откланяться?

Едва смолкли его слова, как из ночной тьмы с глухим рокотом вынырнул отряд генерала Юань Оумина. Тысяча всадников стремительно развернулась веером за спиной Бэйчэнь Цина, изготовившись к бою.

Лин Шу молча окинул взглядом прибывшее подкрепление. Хоть его лицо и оставалось непроницаемой маской, Бэйчэнь Цин отчетливо уловил сквозившую во всем его облике ярость бессилия. Пришлось запастись терпением. Наконец, после долгого томительного молчания, Лин Шу резко взмахнул клинком, рассекая ночной воздух, с тихим шелестом убрал его в ножны и, круто развернувшись, повел гвардию Ичжэнь прочь. Его высокий силуэт мгновенно растворился в чернильном сумраке ночи.

Бэйчэнь Цин с облегчением перевел дух и тихо вздохнул:

— Слава богам, образумился.

Ян Е сквозь зубы проворчал:

— Держи карман шире, отступится он как же! Видел, как он зыркал? Словно заживо сожрать хотел. И как такого мелочного, злопамятного ублюдка вообще держат на должности судьи в Верховном суде? Не иначе как император ему потакает во всем!

Пока он без умолку ворчал, силы окончательно оставили его, и он мешком повалился на землю. Бэйчэнь Цин лишь покачал головой, не став спорить. Подошедший Чжунли Чжэнь, мужественно терпя исходившую от раненого вонь, взвалил его на плечо и потащил обратно в лагерь.

Рана, оставленная мечом Лин Шу, сама по себе не была смертельной, но холод, проникший в тело Ян Е, заставлял его безостановочно дрожать всем телом. Бэйчэнь Цин вместе с Нянь Взем помогли ему обмыться, обработали и перевязали порезы. Переодев раненого в чистое сухое белье, они уложили его на походную постель.

Всё это время Бэйчэнь Цин хранил угрюмое молчание. Ян Е, вечно искавший приключений на свою голову и не боявшийся ни бога, ни черта, перед гневом Бэйчэнь Цина пасовал. Сердце у него испуганно сжалось; содрогаясь от озноба, он лихорадочно соображал, как лучше оправдаться и смягчить его гнев.

Однако Бэйчэнь Цин не проронил ни слова упрека. Присев на край кровати, он мягко взял ладонь друга в свои и тихо произнес:

— Попробуй пустить ци по меридианам, чтобы выгнать холод. Я помогу.

Ян Е поспешно придвинулся ближе. Бэйчэнь Цин прижал ладонь к его спине между лопаток, направляя согревающую внутреннюю силу в его меридианы и помогая восстановить нарушенное равновесие.

Когда они закончили, за окном палатки уже вовсю разгорался рассвет. Бэйчэнь Цин взглянул на измученное лицо Ян Е и негромко спросил:

— Ну как? Согрелся?

Ян Е качнул головой:

— Да, отпустило. Но что за чертов клинок у этого выродка Лин Шу? Жуть какая-то!

— Насколько я могу судить, это легендарный Меч, покоившийся на льду, — задумчиво произнес Бэйчэнь Цин. — Его выковали из редчайшего метеоритного железа глубокой заморозки. Ледяной холод, исходящий от лезвия, проникает в самую плоть жертвы. Человек с тяжелым ранением или слабым духом может просто замерзнуть насмерть. Секрет егоковки

принадлежит главе знаменитого клана оружейников Сиконг. Раньше этот меч хранился в сокровищнице императорского дворца; я слышал о нем лишь краем уха и никогда не думал, что увижу воочию. Похоже, Его Величество безгранично благоволит Лин Шу, раз отдал ему такую реликвию. Помнишь, когда ты в прошлый раз метался в сильном жару и он ранил тебя? Ты ведь тогда мигом пришел в себя. Должно быть, ледяная ци меча сбила твой лихорадочный жар.

Ян Е язвительно хмыкнул:

— Очень даже может быть. Куда уж нам до любимчиков императора!

Глядя на его надувшуюся физиономию, Бэйчэнь Цин невольно улыбнулся — мягко и тепло.

— Чего тут завидовать? Ян Си души в тебе не чаёт, разве этого мало? К тому же мне только что доложили: к полудню сбор провианта завершится. Выступим под покровом ночи, чтобы как можно скорее прибыть в ставку Его Высочества.

Ян Е со злостью сплюнул:

— Паршивый торгаш Се Ляньфан из Терема Гибискуса! Сдал меня с потрохами, гнида лицемерная. Перед уходом я обязан переломать ему ребра.

Бэйчэнь Цин предостерегающе сжал его запястье — столь резко, что Ян Е тихонько шикнул от боли. Сразу же ослабив хватку, Бэйчэнь Цин вздохнул:

— И думать не смей! До самого фронта ты не отлучишься от меня ни на шаг. Если тебе что-то понадобится, я отправлю Нянь Вэя или Чжунли Чжэня. Сяо Лан, пойми одну вещь: Лин Шу годами безвылазно сидит в Небесной тюрьме Верховного суда, во дворце его мало кто видел в лицо. И вдруг он пускается в погоню через полстраны. Если цель — только ты, неужто император закрыл бы глаза на такое самоуправство? А если нет, то ради чего он здесь? В этом деле слишком много белых пятен. Не ищи лишних неприятностей, прошу тебя. Если с тобой что-то случится, как мне быть? Держись в гуще войска. Не думаю, что господин Лин со своей горсткой гвардейцев рискнет пойти напролом против нашей двадцатитысячной армии.

На лице Бэйчэнь Цина отразились тревога и мягкий упрек. Он смотрел на Ян Е с тихой мольбой в глазах.

Ян Е обнял его за плечи и рассмеялся:

— Ладно-ладно, я же просто шучу. Стану я связываться с обычным содержателем борделя! Да и этого бешеного пса Лин Шу я ради тебя пока трогать не буду. Потерпит до лучших времен, а уж тогда я с него шкуру спущу.

Понимая, что этот упрямец вовсе не намерен оставлять Лин Шу в покое, Бэйчэнь Цин лишь сокрушенно вздохнул:

— Не испытывай судьбу, Сяо Лан. Каждая ваша встреча заканчивается для тебя тяжелыми ранами. Остепенись наконец. Тебе ведь еще семью заводить, детей растить. Ян Си уже присмотрел для тебя несколько достойных невест из хороших семей, так что побереги себя.

Ян Е лишь лукаво прищурился и ничего не ответил.

К полудню обозы с провиантом действительно прибыли в лагерь. Не теряя драгоценного времени, Бэйчэнь Цин и генерал Юань Оумин той же ночью отдали приказ сниматься с места. Двадцатитысячное войско покинуло Тунчуань и двинулось на север — туда, где пролегали беспокойные границы между Да Янь и государством Сицзя.

На севере бушевало пламя войны. Беспокоясь о безопасности князя Чжао, армия продвигалась форсированным маршем. Пейзаж за окнами повозки неумолимо менялся: густые леса уступили место редким перелескам, а вскоре взору открылись бескрайние, уходящие за горизонт степи, сменявшиеся каменистыми пустошами и бесплодными песками гоби. Бэйчэнь Цин, уже не раз ходивший этой дорогой, отлично знал расположение каждого колодца и удобного для стоянки места. Вместе с Юань Оумином они тщательно распланировали маршрут. Изредка на пути попадались полузаброшенные деревни. Из-за постоянных набегов кочевников Сицзя местные жители долгое время искали спасения на юге, но теперь, когда эти земли взял под защиту Ян Си, многие крестьяне потянулись обратно к родным очагам. Благодаря этому в приграничье вновь затеплилась жизнь.

Ян Е, вынужденный из-за раны безвылазно сидеть в повозке, никогда прежде не видел суровой красоты северных рубежей. В конце концов любопытство взяло верх: он выбрался наружу, вскочил на коня позади Бэйчэнь Цина и крепко обхватил его за талию, с интересом озираясь по сторонам. Здесь хозяйничали яростные степные ветры. Поднимаемые ими песчаные вихри швыряли колючую пыль прямо в лица всадникам, так что глаза приходилось жмурить от боли. Не выдержав натиска стихии, Ян Е уткнулся лицом в широкую спину Бэйчэнь Цина.

Бэйчэнь Цин слегка повернул голову и негромко произнес:

— Сяо Лан, за нами уже несколько дней кто-то тащится следом. Сперва я испугался, что это вражеские лазутчики, и отправил Чжунли Чжэня с Сяо Наньанем разузнать обстановку. Оказалось, нет.

— И кто же? — глухо буркнул из-за плеча Ян Е. — Неужели наш бешеный пес Лин Шу?

Бэйчэнь Цин тихонько рассмеялся:

— Какая поразительная проницательность! Похоже, столичный судья боится заблудиться в этих степях, вот и держится поближе к нашему обозу.

Ян Е заговорщицки хмыкнул:

— Раз уж эта добыча сама идет в руки, может, приберем ее к ногтю? Давай вспомним старое и разберемся с ним вдвоем, а? Обещаю, я уступлю тебе право первого удара, не обижу. Эй, Юньци... почему у меня зубы на зубы не попадают и что-то хрустит?

— Это потому, что ты слишком много болтаешь и наглотался песка, — усмехнулся Бэйчэнь Цин. — Закрой рот и побереги силы, пустомеля.

Спустя несколько дней пути войско подошло к Шалиню — крошечному приграничному городку, за которым начинались дикие владения кочевников. Едва миновав его северные заставы, путник оказывался в бескрайних просторах великой степи, раскинувшейся у подножия Великих Синих гор. Там, среди сочных заливных лугов, бродили тучные стада, а над пастбищами разносились заунывные напевы пастухов.

Впрочем, обо всем этом великолепии Ян Е знал лишь со слов Бэйчэнь Цина.

— Ну и где все это? — то и дело допытывался он, сиюсь разглядеть обещанные красоты.

Однако сколько бы он ни всматривался в зыбкое марево у горизонта, взору открывалась лишь унылая, иссушенная солнцем равнина, ощерившаяся каменистыми грядами холмов. Единственным украшением этой заброшенной земли были белеющие вдоль дорог обглоданные кости людей и павшего скота.

Достигнув Шалиня, Бэйчэнь Цин приказал разбить лагерь на южном склоне холма у городских стен. Ян Е тут же изъявил желание осмотреть город, и Юньци вызвался составить ему компанию, прихватив с собой Нянь Вэя и Сяо Наньяня.

Едва переступив порог городских ворот, Ян Е разочарованно вздохнул. Он-то воображал увидеть грозную приграничную цитадель, а на деле Шалинь оказался крошечным захолустьем. И хотя крепостные стены и сторожевые башни выглядели достаточно прочными, сам город был величиной с локоть: встав у южных ворот, можно было без труда разглядеть северные, а от восточных просматривались западные. Немногочисленные прохожие щеголяли в грязном рванье, среди них не мелькало ни одного миловидного девичьего лица, а покосившиеся лачуги по обе стороны пыльных улочек казались готовыми рухнуть от первого порыва ветра.

— И это называется городом? — брезгливо поморщился Ян Е. — Крошечный, зачуханный и грязный до неприличия.

— Поверь, сейчас он выглядит еще прилично, — возразил Бэйчэнь Цин. — Раньше здесь царила полная разруха. В сотне ли отсюда находится наша основная база, прямо у заставы Фэньюй. И эту заставу, и городские укрепления за последние полгода укрепили по приказу князя Чжао. Шалинь — ключевой узел на пути снабжения, через него на передовую везут все припасы и оружие. Так что, каков бы он ни был, для нас он имеет жизненно важное значение.

Они неспешно шли по улице. Местные жители, узнававшие молодого командира, почтительно кланялись, и Бэйчэнь Цин приветливо кивал им в ответ. Вскоре он уверенно свернул к знакомому кабаку.

— Пропустим по чарочке? — предложил он Ян Е. — Здесь подают крепкую степную настойку. Сам я не любитель хмельного, но поговаривают, она бьет без промаха.

Ян Е охотно согласился. Бэйчэнь Цин подозвал трактирщика и заказал два щедрых блюда с вяленой говядиной и кувшин местного алкоголя. Не долго думая, Ян Е сделал глубокий глоток. Обжигающая, терпкая жидкость мгновенно перехватила дыхание и огненным потоком хлынула в горло. Ян Е поперхнулся, выплюнул пойло и закашлялся до слез, являя собой картину крайнего смутения. Под тихий смех Нянь Вэя и Сяо Наньяня Бэйчэнь Цин поспешно принялся хлопать бедолагу по спине и утирать ему подбородок, сокрушенно приговаривая:

— Моя вина, моя вина! Не стоило предлагать тебе эту отраву.

— Погоди... дай-ка еще раз попробую, — прохрипел Ян Е, упрямо потянувшись к чаше.

На сей раз он пил осторожно, мелкими глотками, и сумел избежать повторного позора.

Бэйчэнь Цин с усмешкой спросил:

— Ну как ощущения?

— Недурно, — выдохнул Ян Е, утирая губы рукавом. — Прошибает до самых костей.

В голове его тут же зароились коварные мысли:

«Вот бы влить эту гадость в глотку паршивому псу Лин Шу! Интересно, дрогнула бы хоть одна жилка на его постной физиономии?»

Всласть пофантазировав, он обратился к Бэйчэнь Цину:

— На обратном пути обязательно прихватим пару кувшинов. Юньци, послушай, когда вы только начинали поход, ваша армия ведь стояла у Яньмэни и Пяньгуаня? Я слышал, те места у Трех застав куда богаче и неприступнее. Почему же в итоге вас перебросили сюда, на западные рубежи?

Бэйчэнь Цин заговорщицки улыбнулся:

— Перевод сюда оказался нам только на руку.

Оказалось, поначалу Ян Си и Бэйчэнь Цин действительно держали оборону в районе Трех застав. Однако снабжение там было из рук вон плохим, интенданты воровали не таясь, и войско вечно сидело на голодном пайке. В конце концов, устав от бесконечной борьбы с чиновниками, князь Чжао отправил прошение императору с просьбой перевести его на запад, а на прежнее место назначили другого военачальника.

Земли кочевников Сицзя простирались на тысячи ли — от хребтов Иньшаня на севере до бескрайних пустынь Западных краев, подступая к самым рубежам Великой стены. Рожденные в седле степняки отличались свирепым нравом и огромной силой. Их набеги на приграничные уезды не прекращались ни на день. Окрестности заставы Фэньюй формально находились под властью князя Ханьчжуна, Цэнь Цзиня. Доведенные до отчаяния набегами местные старосты без конца слали ему жалобы, умоляя о помощи, однако старый лис не желал рисковать своими людьми. Он лишь отнекивался, отделяваясь пустыми обещаниями, а в крайних случаях высылал ничтожные дозоры для видимости или заявлял, что ждет высочайшего соизволения из столицы.

Когда же сюда прибыл Ян Си, снабжение его армии легло на плечи Ханьчжуна. Молодой полководец рьяно взялся за дело: укрепил проходы, отстроил заставу Фэньюй и раз за разом давал жесткий отпор налетчикам. Вскоре жизнь в приграничье вошла в мирное русло, и поток жалоб иссяк. Цэнь Цзинь хоть и держался особняком, упорно игнорируя попытки Ян Си сблизиться, и разыгрывал из себя выжившего из ума старика, препятствий в поставках провианта и оружия никогда не чинил.

При всей своей гордости и широте души, Ян Си в столице приходилось несладко. Император заживо похоронил его мать, но принц был вынужден молча глотать обиду и на официальных приемах славить величие и милость монарха. Лишь здесь, среди суровых северных просторов, его израненное сердце обрело покой. Видя разоренные войной селения и нищету простого люда, он осознал свое истинное призвание. Защитить этих обездоленных людей, подарить им мир — ради этого стоило терпеть ледяные степные ветры и тяготы военных походов.

Обо всем этом князь Чжао, разумеется, не мог писать в домашних письмах, опасаясь досмотра, поэтому Ян Е мало что смыслил в местной политике. Лишь теперь Бэйчэнь Цин терпеливо разъяснял ему суть происходящего.

Слушая его, Ян Е вскипел от возмущения:

— Ну и проныра этот старый Цэнь Цзинь! Хитрый как черт и скользкий как налимий хвост. Не князь, а старый сморчок, пекущийся только о собственной шкуре!

Бэйчэнь Цин лишь улыбнулся в ответ. Вдруг со стороны торговой площади донесся многоголосый гул. На улицу, толкая друг друга и роняя нехитрый скарб, высыпала толпа перепуганных горожан. Почуяв неладное, Бэйчэнь Цин мгновенно поднялся из-за стола и бросился наружу.

Несколько гвардейцев из его личной охраны перехватили бегущих. Спустя пару минут один из

воинов поспешно доложил:

— Генерал! Кочевники Сицзя обошли заставу Фэньюй с фланга и прорвались через перевал Старое Горло! Они громят и жгут окрестные деревни, вырезая всех подчистую. Эти люди — немногие, кому удалось уцелеть в этой бойне.

<http://bllate.org/book/19546/1979658>